

тельно отредактированного тотчас же после смерти Арсения в 1409 году и завершавшегося повестью о его преставлении. В 1455 году, по повелению великого князя тверского Бориса Александровича, этот свод был сокращен и переработан в определенном направлении. Автор данной сокращенной редакции «дает построение всемирной истории от сотворения мира и до падения Константинополя, причем в центре внимания ставит Тверское княжество. Текст этой сокращенной редакции Тверского свода (1455 г.) мы имеем в Тверском сборнике, а также в Рогожском летописце до 1375 г.»¹ Как убедимся в дальнейшем, эти два памятника — Тверской сборник² и Рогожский летописец³ — действительно отражают тверскую точку зрения на важнейшие события развернувшейся в XIV веке борьбы за возглавление всех земель северо-восточной Руси.⁴

В то же время летописная работа, хотя и менее оживленная, чем в Твери (это относится, по крайней мере, к первой половине XIV века), велась и в Москве. Уже в свод Ивана Калиты, основным источником которого являлся переработанный в московском духе тверской великокняжеский свод 1327 года, влились летописные записи, которые с начала века составлялись при дворе митрополита Петра, а также семейный летописец Ивана Калиты.⁵ Сотрудничество московских великих князей с митрополитами отразилось и на характере московского летописания XIV века, над которым совместно трудились и светская и духовная власти. Московская тенденция особенно явственно выступает в Симеоновской летописи,⁶ но проявляется она и в ряде других сводов (в Никоновском, например), где очень многим событиям дается совершенно иное освещение, чем в летописях тверских. Случается, впрочем, что в одном и том же своде промосковская и протверская тенденции причудливо переплетаются, обнаруживая либо различный состав источников, либо недостаточную бдительность редактора.

Таким образом, хотя московские и тверские летописи дошли до нас в осколках или в сильно переделанном виде, по ним все же можно проследить как самый ход борьбы между Москвой и Тверью за возглавление начинавшего складываться Русского централизованного государства, так и идеологическое обоснование этой борьбы.

¹ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. (Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в.). Известия АН СССР, VII сер., Отд. гуманитар. наук, 1930, № 9, стр. 709—738; № 10, стр. 739—772. Выводы этого исследования — в статье того же автора «Летописные своды Тверского княжества» (Доклады АН СССР, «В», 1926, ноябрь—декабрь, стр. 125—128).

² ПСРЛ, XV, СПб., 1863.

³ ПСРЛ, XV, изд. 2-е, вып. 1, Пгр., 1922. (В дальнейшем цитируется: Рогожский летописец).

⁴ По построению А. А. Шахматова, текст Рогожского летописца от 1288 до 1327 года почти тождествен с Тверским сборником, а текст от 1328 до 1374 года (т. е. за период, который нас больше всего интересует) представляет собой компиляцию известий Симеоновской летописи с известиями Тверского сборника (А. А. Шахматов. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 312). Однако, несмотря на то, что в Рогожском летописце сохранилась не только тверская, но и московская летописная традиция, этот летописец более всего отражает тверскую точку зрения на события XIV века. Особенно ценен этот памятник еще и тем, что он избег последующей московской цензуры.

⁵ М. Д. Приселков. История русского летописания. Л., 1940, стр. 123—125.

⁶ ПСРЛ, XVIII, СПб., 1913 Симеоновская летопись с 1328 года основывается на московском летописании, а использованное до 1328 года тверское повествование в результате определенной переработки «оказывается сбитым, переиначенным и пополненным московской рукою» (М. Д. Приселков, ук. соч., стр. 112).